

УДК 94(100)“05/...” + 930.2:003.071

А. И. Романчук

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ ХЕРСОНИТОВ

Исследуются материалы археологических раскопок портового района Херсонеса византийского периода, используемые для реконструкции занятий херсонитов в обыденной жизни. Представлены результаты исследовательской и атрибуционной работы, касающиеся датировки одной из находок — стеатитовой иконки со сценой Вознесения.

Ключевые слова: Херсонес византийского периода; археологические раскопки; занятия херсонитов; керамиды; стеатитовая иконка.

Характерный для конца XX — начала XXI в. цивилизационный подход к изучению общества обусловил внимание к хронологической вариабельности традиций, позволяющих представить отдельные стороны жизни «носителя» этих традиций — человека. Интерес к бытовым особенностям жизнедеятельности и празднествам так же закономерен, как и к локальным их проявлениям, общие представления о которых изложены в обобщающих трудах по истории и культуре Византии в основном на основании письменных источников и по преимуществу для столицы империи. Анализ свидетельств, используемых для реконструкции занятий византийцев, содержится в немногочисленных статьях и публикациях по материалам конференций [см., например: Kislinger; Fest und Alltag...]. Безусловно, для восстановления микросреды обитания — топографии города, планировки кварталов и облика домов — привлекаются также материалы археологических раскопок.

На основании соответствующих разделов в специальных работах, посвященных обыденной жизни византийцев, *a priori* можно говорить о том, что в Херсоне, являвшемся частью православного мира, торжественно отмечались все религиозные праздники с присущими им элементами, восходящими к языческим

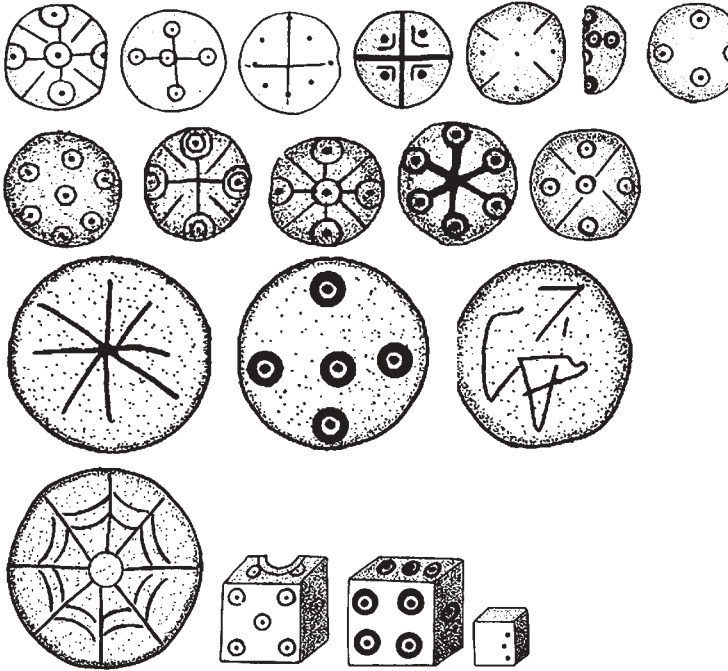
временам, — брумалиями, календами, майюма, русалиями [см.: Поляковская, Чекалова, с. 99, 244]. Агиографические свидетельства позволяют полагать, что в городе имели место торжественные службы в дни святых — Капитона, Климента, Созонта, Леонтия, Василия и других священномучеников, храмы которых упоминаются в житиях. Одно из таких событий (60-е гг. IX в.) — крестный ход в связи с переносом мощей св. Климента — освещается в источниках, описывающих деятельность в Таврике просветителя славян Кирилла. Однако подобные упоминания относятся к числу редких исключений.

Среди развлечений, заполнявших досуг, на основании нарративных данных исследователи отмечают популярность игры в шашки и представлений скоморохов [см.: Там же, с. 104]. То, что подобные забавы являлись присущими херсонитам, подтверждают археологические материалы. В ходе раскопок различных участков городища встречаются находки, свидетельствующие о том, что «праздное» время жители города заполняли различными играми. Это фишки и кубики, астрагалы (некоторые из них с процарапанными надписями). К настоящему времени получена значительная коллекция таких предметов в хронологически отличающихся комплексах Херсонеса византийского периода [см.: Романчук, 1981, с. 84–105]. Находки подобных изделий в других городах [см.: Davidson, vol. 12, tabl. 99] — доказательство повсеместного распространения такого времяпрепровождения, и херсониты в данном плане не отличались от своих современников.

Наиболее часто при раскопках встречаются костяные фишки. Лицевая (выпуклая, зашлифованная) сторона большей части их украшена различными сочетаниями циркульного орнамента с диагонально расположенными отрезками прямых или имевших только выгравированные кружочки (ил. 1). На основании размеров они подразделяются на два вида: диаметром в 2,5–2,8 см и диаметром около 4 см (на некоторых из них выгравирован рисунок в виде паутины, пересекающиеся отрезки линий или трудно читаемых знаков).

Можно предполагать, что граффити, прочерченное до обжига (во время сушки полуфабриката), встреченные на черепице XIII в., которая в последующем была использована при сооружении кровли дома, послужили временным полем для игры (ил. 2, 1–2). На одной из керамид изображены три вписанных друг в друга четырехугольника, разделенных линиями на четыре части (внешний имеет размеры 13,5 × 18,0 см). На другой прочерчены две геометрические фигуры, также вписанные друг в друга, в виде неправильной формы овалов, разделенных продольными и поперечными линиями на 8 секций (внешний овал имеет размеры 8,5 × 8,0 см). Близкие «рисунки» в виде прямоугольных фигур, размерами до 10,0 см или окружностей, также разделенных диагоналями на 8 секций, встречались во время раскопок на территории Греции [см.: Vroom, p. 100, fig. 4]¹

¹ Некоторые исследователи называют подобные изображения «вавилонами» или «лабиринтами», считая, что они являются отражением идеологических представлений жителей Таврики. К такому предположению склоняют условия находок. Например, во время раскопок на плато Мангуп-Кале (Юго-Западной Крым) Н. И. Барминой встретилось два известняковых блока с изображением «ва-

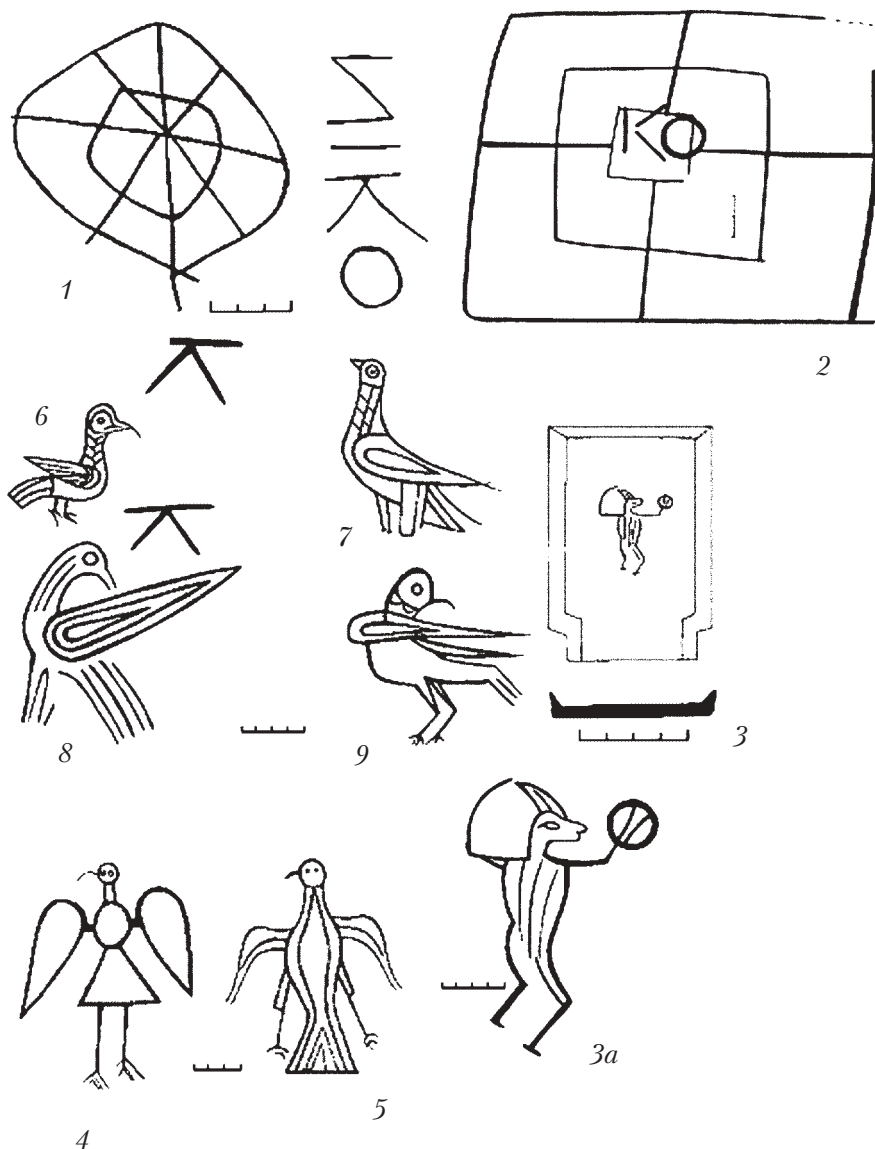
1. Принадлежности для игр (XII–XIII вв.)
из раскопок портового района Херсонеса

Черепица их раскопок Херсонского городища позволяет судить о том, что «игроки» могли использовать любую плоскую поверхность для того, чтобы «вычертить» на ней игровое поле. Наличие фактически в каждом доме игровых принадлежностей, как и «временные» поля для игры на разложенной для просушки черепице, — показатель того, что херсониты были склонны к «дружеским встречам» не только в праздничные дни.

В связи с находками, отражающими некоторые детали быта херсонитов, следует упомянуть также метки на черепицах, на которых наряду с различными буквенными и условными знаками, имеются изображения различных животных. Особенно частыми являются фигуры собак и различных птиц (ил. 2, 4–9), отличающиеся тщательностью исполнения с соблюдением пропорций [подробнее см.: Романчук, 2004]. Безусловно, имеются и более схематические рисунки. Но одна из меток заслуживает особого внимания. Это менее реалистически выполненная стоящая фигура с шаром в руке и, вероятно, в маске, напоминающей собачью морду (ил. 2, 3, 3а). Возможно, это изображение скомороха².

вилонов» в ходе раскопок погребений. К сожалению, материалы в настоящее время не опубликованы, за информацию о них приношу благодарность исследовательнице. Однако, если учитывать приведенные выше свидетельства, а также рисунок из рукописи XIV в. со сценой игры [Vroom, fig. 4], то правомернее полагать, что черепицы использовались как поле для игр.

² Изображения народных игр и цирковых сцен не являются широко распространенными в искусстве Византии. Одному из подобных памятников посвящено исследование А. В. Банк [Банк, 1949, с. 123–126].

2. Граффити и метки на керамидах Херсонеса. XIII в.

К числу принадлежностей для игры можно отнести одну из находок из портового района городища — вырезанную из кости головку с небольшим штырьком. Скорее всего это часть из шахматного набора.

Безусловно, упомянутые свидетельства не дают полного представления о всех видах досуга жителей Херсона византийского периода. Это лишь некоторые штрихи, восполнить которые позволит тщательный анализ богатейших по своему составу фондов национального заповедника Херсонес Таврический, что не только введет в научный оборот соответствующие находки, но и создаст

возможность их хронологической классификации как основы для более полного освещения обыденной жизни горожан.

Для восполнения представления о микромире херсонитов хотелось бы остановиться еще на одной находке, которая относится к числу раритетов (ил. 3). Прежде всего о месте ее обнаружения. Стеатитовая иконка с изображением сцены Вознесения найдена в портовом квартале 2 при зачистке стены одного из домов, который, вероятно, был построен во второй половине — конце XIII в.

На лицевой стороне небольшого размера пластинки, имевшей невысокую рамку, в нижнем регистре вырезаны фигуры двенадцати апостолов с воздетыми вверх руками (см. ил. 3). В центре расположена фигура Матери Божьей, за которой, по обеим сторонам от нее, стоят два ангела. В верхнем регистре, в мандорле, изображен сидящий на престоле Иисус Христос. Пластинка входила скорее всего в составную наборную икону с изображением двенадцати апостольских праздников. Необходимо отметить хорошее качество резьбы и великолепную сохранность изделия, отличающие его от других подобных стеатитовых икон, которые были найдены во время раскопок северного района Херсонесского городища [см.: Белов, с. 290, рис. 122].

Примечательным является то, что имеется еще одна фактически идентичная иконка со сценой Вознесения. Она происходит из бывшей коллекции П. И. Севастьянова и хранится в Государственном историческом музее (поступление 1922 г.). Правда, на основании публикации составить представление о сохранности и качестве работы не представляется возможным, но сцены верхнего и нижнего регистров, размещение надписей, судя по фотографии, тождественны [см.: Kalavrezou-Makseiner, S. 219, № 151]. Единственное отличие — это меньшие (на 2 мм), размеры³. Другим отличием, заслуживающим внимания, является надпись на оборотной стороне новой находки из Херсонеса.

Однако прежде о датировке. И. Калаврису-Максейнер отнесла хранящуюся в Государственном историческом музее иконку к XIV в. В качестве аналогии можно упомянуть одну из пластинок с изображением сцены Вознесения. Она происходит из Ватопедского монастыря и считается изделием начала XIV в. На ней, в нижнем регистре, в центре изображена Матерь Божья с воздетыми руками и двумя стоящими рядом с ней апостолами [Банк, 1978, рис. 95]. Следует

3. Стеатитовая иконка со сценой Вознесения XII — начало XIII в.

³ Публикатор иконки из Исторического музея И. Калаврису-Максейнер приводит следующие размеры: 4,7 x 3,7 см

обратить внимание и на обнаруженные во время раскопок северного района Херсонесского городища стеатитовые изделия. Так, в одном из домов в слое пожара XIII в. встретились иконки со сценой Рождества и Вознесения, которые А. В. Банк отнесла к изделиям XII в. [Банк, 1978, с. 106].

А. В. Банк в единственной в российской историографии работе, посвященной мелкой пластике, отметила, что исследователю для выявления времени изготовления стеатитовых икон приходится преодолевать существенные трудности — создавать своеобразную шкалу критериев, которая включает характер выполнения деталей одежды и «оформление» предметного мира [см.: Там же, с. 114]. В отличие от инструментария ремесленника или столовой посуды, сакральные предметы не относятся к числу регулярно заменяемых, поэтому условия обнаружения (стратиграфия) не являются четкими хронологическими индикаторами.

Уникальность новой иконки состоит в том, что на оборотной стороне, как было отмечено выше, процарапана надпись, которая может служить основанием для определения времени бытования изделия. Надпись, выполненная весьма небрежно очень острым инструментом, имеет несколько строк (ил. 4). Длина двух верхних близка к ширине пластинки: около 3,5 см; средняя ширина букв 0,3 см, высота 0,4—0,5 см. Ниже, насколько это можно судить по прослеживаемым царапинам и штрихам, существовал еще один ряд букв, но восстановить их не представилось возможным.

Форма букв и манера написания текста палеографически существенно отличаются от надписи на лицевой стороне, где непосредственно под рамкой выгравировано: Н 'ΑΝΑΝΑΛΗΨΙΣ и в мандорле с обеих сторон от сидящей фигуры Иисуса Христа монограмма "ΙC ΧC". Московская исследовательница А. А. Евдокимова восстанавливает граффити следующим образом: ΑΞΗΤΟΝ-ΛΕΓΟΝΕΧΕΙΣΤΩ ΚΟΥΜΕΙΚ ΣΞΙΒ, полагая, что здесь было написано следующее: αζητον λεγων εχει τω Κουμεικ σξιβ, предлагая такой вариант прочтения текста: «Почитаемое говорящий взял [приобрел]⁴ у Кумейка 6712 год» (1203—

4. Обратная сторона иконы со сценой Вознесения. Граффити

1204) [Романчук, Евдокимова, с. 32–33]. А. А. Евдокимова отмечает, что имя Кумейка встречается на территории Трапезунда примерно в XIV в.

В свете новой находки можно судить о том, что при всех сложностях определения времени изготовления стеатитовых икон А. В. Банк интуитивно и в то же время на основании разработанных ею хронологических критериев была права в датировке других стеатитовых икон из раскопок Херсонеса.

Итак, если предложенный А. А. Евдокимовой вариант прочтения надписи является верным, то можно полагать, что одному из херсонитов по какой-то причине было необходимо «запомнить» имя человека, от которого она ему досталась. И, наконец, условия обнаружения (из стены дома, скорее всего сгоревшего в конце XIII – XIV в.) не противоречат дате, прочерченной на оборотной стороне. Таким образом, появилось первое засвидетельствованное самой находкой время бытования иконки (вполне вероятно, что и изготовлена она была в близкий период).

Правда, А. В. Банк писала, что вторичные надписи «можно привлекать лишь в качестве дополнительного аргумента» [Банк, 1978, с. 93].

Но в данном случае именно «этот дополнительный аргумент» не позволяет согласиться с датировкой, предложенной И. Калавресу-Максейнер, считающей, что фактически тождественная иконка, хранящаяся в ГИМе, была изготовлена в XIV в. [см.: Kalavrezou-Maxeiner, p. 219]. Вероятно, иконка принадлежала владельцу сгоревшего здания, над руинами которого в последующем был возведен новый дом. Из-за небольших размеров пластинка оказалась незамеченной и попала в кладку при «замесе» грязевого раствора, используемого в процессе возведения стен.

Археологические материалы из раскопок портового района Херсонеса позволяют также судить о том, что в городе имелись мастера-резчики по стеатиту, о чем свидетельствует обнаружение обломков стеатита в слое пожара XIII в. в одном из домов. Здесь же в северо-восточном углу одной из комнат лежала небольшая икона с изображением Матери Божьей с младенцем на правой руке [Голофаст, Романчук, Рыжов, с. 237, № 256]. Принадлежала ли она к изделиям владельца дома, можно только предполагать. Но несомненно одно: две фактически тождественные иконки с изображением сцены Вознесения не могли быть изготовлены в XIV в.

Банк А. В. Диптих с изображением цирковых сцен // Сокровища Эрмитажа. М. ; Л., 1949. [Bank A. V. Diptikh s izobrazheniem tsirkovykh stsen // Sokrovischa Ermitazha. M. ; L., 1949].

Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. : очерки. М., 1978. [Bank A. V. Prikladnoe iskusstvo Vizantii IX–XII vv. : ocherki. M., 1978].

Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь, 1938. [Belov G. D. Otchet o raskopkakh v KHeronesse za 1935–1936 gg. Simferopol', 1938].

Голофаст Л. В., Романчук А. И., Рыжов С. Г. Византийский Херсон : каталог выставки. М., 1991. [Golofast L. V., Romanchuk A. I., Ryzhov S. G. Vizantijskij Kherson : katalog vystavki. M., 1991].

⁴ Вряд ли надпись фиксирует «приобретение» как результат продажи. Скорее «взял», т. е. принял от подарившего.

Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия. Быт и нравы. Екатеринбург, 1989. [Polyakovskaya M. A., SChekalova A. A. Vizantiya. Byt i нравы. Ekaterinburg, 1989].

Романчук А. И. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // Античная древность и Средние века. Античный и средневековый город. Свердловск, 1981. [Romanchuk A. I. Izdeliya iz kosti v srednevekovom KHersonese // Antichnaya drevnost' i Srednie veka. Antichnyj i srednevekovyj gorod. Sverdlovsk, 1981].

Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004. [Romanchuk A. I. Stroitel'nye materialy vizantijskogo KHersona. Ekaterinburg, 2004].

Романчук А. И., Евдокимова А. А. Стеатитовая иконка XIII в. // Византия в контексте мировой культуры : науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. В. Банк (1906–1984) : тез. докл. СПб., 2006. [Romanchuk A. I., Evdokimova A. A. Steatitovaya ikonka XIII v. // Vizantiya v kontekste mirovoj kul'tury : nauch. konf., posvyasch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Bank (1906–1984) : tez. dokl. SPb., 2006].

Davidson G. R. The minor Objects // Corinth. Princeton ; N. Jersey, 1952.

Fest und Alltag in Byzanz / ed. G. Prinzing, D. Simon. München, 1990.

Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. Wien, 1985.

Kislinger E. Notizen zur Reallienkunde aus byzantinischer Sicht // Medium Aevum Quotidianum. Krems. 1987. № 9.

Vroom J. Playing Games in the Valley of the Muses : a Medieval board game found in Boeotia, Greece // Pharos (Gieben). 1999. Vol. 7.

Статья поступила в редакцию 15.11.2012 г.

УДК 327.82:94(470)“1826” + 929.733:395.5

О. А. Мельчакова

ИНОСТРАННЫЕ ДИПЛОМАТЫ НА КОРОНАЦИОННЫХ ТОРЖЕСТВАХ 1826 г.

Анализируются сведения, содержащиеся в документах Министерства иностранных дел России, мемуарах, переписке современников, периодической печати для выявления представителей иностранного дипломатического корпуса, присутствовавших на коронационных торжествах 1826 г., посвященных вступлению на престол Николая I. Показано, что широкий круг прибывших в Россию для поздравления Николая I чрезвычайных послов разных государств, их высокий статус придавали репрезентативный характер акту коронования нового российского монарха. Блистательный состав дипломатических миссий, роскошь и великолепие балов, устроенных английской и французской делегациями, были демонстрацией могущества держав, которые они представляли.

Ключевые слова: коронация; Николай I; иностранные дипломаты; коронационные торжества.

В новейшей историографии налицо всплеск интереса историков и искусствоведов к исследованию русского придворного церемониала XVI–XIX вв. [см., например: Захарова, 2001; Махотина; Огаркова; Отто; Развлекательная культура России...]. Вышли в свет специальные труды о парадной жизни царского двора России: об истории официальных праздников [см.: Кел-